

ТЕОРИЯ СВЯЗЫВАНИЯ И ЖЕСТОВЫЕ ЯЗЫКИ¹

Теория связывания (binding theory) — один из основных компонентов генеративной грамматики на определенных этапах ее развития (например, [Chomsky 1981]). Теория связывания занимается референциальным поведением именных групп и местоимений. Так, она различает личные местоимения (типа *он, она*), рефлексивные местоимения или анафоры (типа *себя, свой*) и полные именные группы (типа *мальчик*). Предполагается, что разделение на эти классы свойственно большинству языков мира (хотя известны языки, в которых нет рефлексивных местоимений, например, старо-английский, некоторые языки Австралии, некоторые креольские языки: см. [Huang 2000]). Поведение предсказателей этих классов определяется универсальными принципами теории связывания. Я решил проверить применимость теории связывания к жестовым языкам: русскому (российскому) жестовому языку (далее РЖЯ) и нидерландскому жестовому языку (далее НЖЯ).

Жестовые языки являются естественными языками общения глухих. Они представляют особый интерес для лингвистов, потому что для передачи языкового сигнала используют не звуковой канал, а визуальный. Сравнение жестовых и звучащих языков делает возможным выявление глубинных принципов грамматики, которые не связаны с физической природой сигнала. Теории, которые претендуют на универсальность (такие, как теория связывания), должны быть проверены на материале жестовых языков. Главный вопрос, который я исследовал — это наличие и свойства рефлексивных местоимений в РЖЯ и НЖЯ.

В ходе исследования (опроса носителей этих жестовых языков) выяснилось, что в РЖЯ и НЖЯ есть рефлексивные местоимения. В РЖЯ используется местоименное существительное

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-04-00165а.

СЕБЯ и местоименное прилагательное СВОЙ; в НЖЯ есть только рефлексивное местоименное существительное ZELF. Все эти местоимения являются рефлексивными, потому что могут употребляться только кореферентно подлежащему в той же клаузе².

Эти местоимения имеют те же основные свойства, что и рефлексивные местоимения в русском языке, то есть могут быть кореферентны только антецеденту, находящемуся с ним в отношении с-command (1), (2), а также являются субъектно-ориентированными (3).

- (1a) МАЛЬЧИК УК-а СЕБЯ РИСОВАТЬ³
‘Мальчик нарисовал себя/[#]кого-то другого’.
- (1б) *СЕБЯ МАЛЬЧИК УК-а РИСОВАТЬ
- (2) МАЛЬЧИК УК-а СВОЙ ЛИЦО РИСОВАТЬ
‘Мальчик нарисовал свое лицо/[#]чье-то лицо’.
- (3) МАЛЬЧИК УК-а ДЕВОЧКА УК-б О СЕБЯ РАССКАЗАТЬ
‘Мальчик рассказал девочке о себе (мальчике/[#]девочке)’.

Однако оба жестовых языка обладают альтернативным способом выражения кореферентности двух именных групп в предложении: указанием на определенный локус. Известно, что жестовые языки используют пространство перед говорящим (жестовое пространство) для моделирования ситуации (об этом явлении в РЖЯ см. [Прозорова 2007]). Участники ситуации размещаются в воображаемом пространстве при помощи указательных жестов, и места (локусы), в которых были размещены участники, могут позже быть использованы для упоминания этих участников, уже при помощи указания (то есть, указательные жесты исполняют роль местоимений). Интересно, что ситуация кореферентности может быть выражена при помощи указания на локус, ранее ассоциированный с референтом (4).

---

² Я исследовал свойства этих местоимений только в простых предложениях.

³ Жесты РЖЯ передаются русскими словами, близкими им по значению. УК-а — указательный жест, направленный в локус *a*. Примеры из НЖЯ не приводятся; основные факты, описанные в тексте и проиллюстрированные на материале РЖЯ, справедливы и для НЖЯ.

- (4) МАЛЬЧИК **УК-а** ДЕВОЧКА **УК-б** О **УК-а** РАССКАЗАТЬ
'Мальчик рассказал девочке о себе'.

В этом примере мальчик размещается в пространстве при помощи указательного жеста в локусе а, а девочка в локусе б, а позже при помощи указательного жеста **УК-а**, устанавливается кореферентность между тем, кто рассказывает, и тем, о ком рассказывают.

Таким образом, кореферентность субъекта и объекта может быть выражена в РЖЯ и НЖЯ двумя способами: (3) и (4). Иными словами, в этих жестовых языках есть рефлексивные местоимения, но их можно заменить нерефлексивными указательными жестами. Такая ситуация, по-видимому, не встречается в звучащих языках [Kiparsky 2002], где рефлексивное местоименное существительное (если они есть в данном языке) не может быть заменено нерефлексивным местоимением в простом предложении с командующим антецедентом без потери кореферентности:

- (5а) *Мальчик_i рисует себя_i. ≠*

- (5б) *Мальчик_i рисует его_j.*

Нетрудно предположить, что эта ситуация связана с визуальной природой жестовых языков: в них имеется естественный механизм выражения кореферентности в любых контекстах: указательные жесты; звучащие же языки такой возможностью не обладают.

Однако и в РЖЯ и НЖЯ, как выяснилось, значения, выражаемые предложением с рефлексивным местоимением и предложением с указательным жестом, не вполне совпадают. Рефлексивные местоимения в этих языках применяются для выражения значения связанной переменной (bound-variable reading; см., например, [Büring 2005]), а указательные жесты для выражения простой кореферентности. Различие между этими значениями можно увидеть на примере русского местоимения *свой*, которое тоже может заменяться нерефлексивными местоимениями:

- (6а) *Я рисую **свой** портрет, и Вася тоже.*
'тоже рисует свой портрет' — связанная переменная

- (6б) *Я рисую **мой** портрет, и Вася тоже.*
'тоже рисует мой портрет' — кореферентность

(7а) *Каждый мальчик_i рисует свой_i портрет. ≠*

(7б) *Каждый мальчик_i рисует его_j портрет.*

В примере (7) местоимение *свой* может быть связано квантором, а местоимение *его* в той же позиции не может — это проявление того, что в русском языке *свой* в такой позиции используется как связанная переменная, а *его* и другие личные притяжательные местоимения — нет.

В РЖЯ и НЖЯ рефлексивные местоименные существительные тоже могут заменяться нерефлексивными указательными жестами, но только рефлексивные местоимения могут быть связаны квантором в субъектной позиции:

(8а) МАЛЬЧИК УК-а УК-б УК-в КАЖДЫЙ СЕБЯ РИСОВАТЬ
'Каждый мальчик рисует себя'.

(8б) МАЛЬЧИК УК-а УК-б УК-в КАЖДЫЙ УК-а УК-б УК-в РИСОВАТЬ
'Каждый мальчик рисует каждого мальчика/других мальчиков/#себя'.

В примере (8а) рефлексивное местоимение СЕБЯ связано квантором КАЖДЫЙ, поэтому предложение означает, что каждый мальчик рисовал себя, а предложение (8б), где используются указательные жесты, такого значения иметь не может.

Итак, в РЖЯ и НЖЯ имеются рефлексивные местоимения. Многие свойства этих местоимений (необходимость командующего antecedenta, ориентация на субъект) не отличаются от свойств рефлексивных местоимений в некоторых звучащих языках. С другой стороны, жестовые языки обладают способностью использовать пространство для выражения кореферентности, поэтому рефлексивные местоимения могут быть в любом контексте заменены нерефлексивными указательными жестами. Однако даже эта ситуация успешно анализируется при помощи понятия связанной переменной, тоже относящегося к теории связывания. Таким образом, теория связывания успешно описывает (и, возможно, объясняет), факты не только звучащих, но и жестовых языков.

Литература

- Прозорова 2007 — Е. В. Прозорова. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания 1, 2007. С. 44–61.
- Büring 2005 — D. Büring. Binding Theory. Cambridge: CUP, 2005.
- Chomsky 1981 — N. A. Chomsky. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981.
- Huang 2000 — Y. Huang. Anaphora: A cross-linguistic approach. Oxford: OUP, 2000.
- Kiparsky 2002 — P. Kiparsky. Disjoint reference and the typology of pronouns // I. Kaufmann, D. Wunderlich, B. Stiebels (eds.). More than Words. Berlin: Akademie Verlag, 2002. P. 179–226.